

разов, в принципе не отличающихся от «звукосимволических слов».

Заметим также, что исторически число звукоизобразительных слов может увеличиваться. Существенно также и то, что расширяется и совершенствуется набор фонетических средств, используемых для формирования звукоизобразительных слов. На фоне дефоносемантизации тем более очевидно появление большого числа дескриптивов, мотивированных лишь по форме. Это «корневые» слова с нулевой или «зачаточной» морфологией (например, японские «звуковые» жесты, идеофоны в африканских языках; ср. также англ. *hoity-toity*, нем. *wirr-warr*), которые формируют дополнительный класс слов со специфическими, в том числе грамматическими признаками. Описание аномальной грамматики таких слов могло бы существенно дополнить соответствующий раздел в рецензируемой книге.

Мартынов В. В. *Язык в пространстве и времени. [К проблеме глоттогенеза славян.* — М.: Наука, 1983, 108 с.

В книге В. В. Мартынова излагаются основные положения теории глоттогенеза (возникновения этноопределяющих языков) и приводится самый необходимый лингвистический материал для обоснования оригинальной гипотезы об этапах развития и прародине праславянского языка. Замысел автора сводится к тому, чтобы в явном виде представить логику рассуждений и важнейшие факты, на которых основана его гипотеза. Заинтересованный или заинтересовавшийся читатель отсылается к работам [1—5], где содержится более полная аргументация отдельных положений и несколько полнее анализируются конкретные факты.

Общие проблемы, возникающие при исследовании глоттогенеза, рассматриваются В. В. Мартыновым во Введении (с. 3—13). Автор исходит из того, что «корректнее ставить вопрос о глоттогенезе этноса, если задача решается лингвистическими средствами» (с. 4). Глоттогенетическое исследование предполагает «строгую ретроспекцию при анализе материала» (с. 4) и классификацию поздних пластов лексики по происхождению. Последнее возможно в том случае, если отказаться от «презумпции исконности» (требующей исчерпать все возможности объяснения на основе данного языка, прежде чем искать иноязычный источник) и признать, что «поиску этимона всегда (даже в казалась бы ясных случаях) должна предшествовать пространственно-временная стратификация слова, а это фактически приводит к приоритету поиска иноязычного источника» (с. 4). Сразу же отметим, что последнее положение можно принять только в том случае, если под этимонам понимается достаточно глубокая реконструкция (например, до уровня и.-в. диалекта).

Недостаточное количество примеров, сложная система терминов затрудняют понимание отдельных глав. Следует иметь в виду, что большинство читателей, по-видимому, не в полной мере знакомо с проблемами фоносемантики и читать «с листа» в ряде случаев им будет нелегко.

Наконец, резюме на английском языке в конце книги совершенно не раскрывает содержание этой интересной работы.

Журковский Б. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вестерман Д.* Звук, тон и значение в западноафриканских суданских языках. — В кн.: Африканское языкознание. М., 1963, с. 94.

Из сказанного, однако, вовсе не следует правомерность авторского предостережения «против обычного порядка представления данных», когда «традиционно сначала устанавливается генетическое тождество..., а затем демонстрируется пространственное распределение этих форм...» (с. 5). Очевидно, без предварительного установления генетического родства языков, а, значит, и некоторого множества форм, вопрос о реальном пространстве и времени глоттогенеза не может быть поставлен вообще. Действительно, в первом случае выявляются регулярные (закономерные) отношения, во втором, идет поиск нерегулярностей, отклонений от них.

Установить прародину языка и время его формирования возможно путем обнаружения «контактов данного языка с языками, пространственно-временная стратификация которых известна предварительно» (с. 5). «Лексические соответствия для двух территориально смежных языков...» — если они не восходят к общему праязыковому состоянию — должны «рассматриваться в первую очередь как результат лексического проникновения (инфильтрации)...» (с. 6). Основными критериями определения проникновений являются фонетический, семантический, словообразовательный и лингвогеографический (смежность языков) (с. 7). Проникновениями (инфильтрациями) называются заимствованные лексемы, имеющие синонимические соответствия в языке-реципиенте. Поиск пар идеографических абсолютных синонимов — сугубо лингвистическая процедура, что делает ее методологически важным инструментом исследования (с. 8).

Труднее поддается интерпретации понятие ингредиента, вводимое В. В. Мартыновым (с. 7—8). С одной стороны, это

несомненно мощным слоем адаптированных иноязычных заимствований на всех уровнях языка, значительно изменивших его первоначальный облик. В таком смысле говорится об италийском ингредиенте в одном из западно-балтийских диалектов (способствовавших его превращению в протославянский), и о скифо-иранском ингредиенте в протославянском (с последующим развитием праславянского) (с. 7—8, 14—16, 93—95). Но основным ингредиентом называется и собственно протобалтийская основа прото- и праславянского (с. 8, 95). Оказывается, таким образом, что ингредиент ингредиенту рознь, поскольку италийское влияние не привело к включению возникающего языка в число италийских, а иранское — в иранскую группу. Основной ингредиент развивается дивергентным путем, т. е. путем эволюции, он восходит к некоторому общему состоянию языков и диалектов. Различия между контактными и генетическими отношениями языков играет важнейшую роль в теории глоттогенеза (см с. 6, 9), но оно снимается введением понятия «основного ингредиента», в чем нельзя не усмотреть явного противоречия.

Контактное взаимодействие, или конвергенция (с. 8), «диагностирует становление и развитие языка в реальном пространстве — времени» (с. 9); «конвергенция не отрицает, а как раз наоборот, предислагает пролегающее в системной связи с ней внутреннее развитие древних уваследованных ресурсов» (с. 9), т. е. дивергентное развитие. Важно отметить, что методика установления конвергентных этапов сначала отрабатывается автором на материале хорошо засвидетельствованных языков, а затем применяется для более древних состояний (с. 12). Такой подход обычно дает надежные и нетрадиционные результаты.

Анализ конкретных фактов, выполненный в работе, служит не только демонстрацией возможностей теоретической программы автора, но и составляет основу для реконструкции основных этапов развития праславянского языка.

В разделе «Славяно-германские языковые контакты» (с. 16—35) доказываются существование четырнадцати праславянских заимствований в прагерманский (*datla*, *daljan*; *hwata*; *malta*; *maþljan*; *neþja*; *plata*; *platja*; *plōga*; *sadula*; *sakan*; *skāpa*; *skatta*; *þia*; *tin*; *warga*). При их выявлении, согласно автору, «помимо традиционного фонетического критерия были использованы критерии семантико-словообразовательный и лингвогеографический» (с. 16). Аналогичные приемы применяются при внутренней реконструкции, последовательно проводимой автором. Наиболее убедительные решения о направлении заимствования основаны на фонетических критериях; остальные критерии только усиливают их (как, например, словообразовательный при анализе прагерм. *datla*, *daljan* — праслав. *děľь*, *děľiti*). Фонетический критерий оказывается достаточным в тех случаях, когда в германских языках обнаруживаются двойные рефлексy одной и той же праформы (например, др.-англ.

nifþas ~ *nift*; *plōg* ~ *fielg* и др.). Словообразовательный критерий такого веса не имеет ни для одного примера. Более того, при анализе прагерм. *sadula* ~ праслав. *sedŭlo* он оказывается просто несущественным (-ъ в слав. не находит объяснения). Автор убедительно объясняет *a* в герм. *sad-* как отражение праслав. *e широкого, но в целом вопрос о соотношении *sadula* ~ *sedŭlo* не кажется решенным окончательно.

Семантический критерий усиливает предположение о прагерм. *sakan* праслав. *sočiti* (ср. др.-исл. *segja*, *sökja*). Дополнительной аргументации, на наш взгляд, требует идея подвижного ударения в праслав. *xvatŭ*. Примечателен этот о праслав. *tyňь* (< *tyti* «расти») как источник прагерм. *tyñ-*; очень интересна аргументация о связи праслав. *tilo* и *tyliti*.

Очевидно, вне зависимости от оценки степени надежности отдельных этимологий после работ В. В. Мартынова, в том числе и рецензируемой, вряд ли можно отрицать сам факт существования общегерманских славянских контактов. В свою очередь, они гарантируют «локализацию древнейших славяно-германских контактов» в зоне нижнего и среднего течения Одры в V—III вв. до н. э. (с. 93; карту см. в работе [5]).

Кельтский слой заимствований («Славяно-кельтские языковые контакты», с. 35—46) представлен в работе восьмью лексемами; все они имеют исконные синонимические соответствия — (первые в парах) *luža* (*bolto*) — *bagno*, *červo* — *bruxo*, *rupa* — *jama*, *rešeto* — *klētŭ*, *sarxŭ* — *korsta*, *tukŭ* — *sadlo*, *skərbŭ* — *sēta*, *korķŭ* — *tragŭ*. Фонетика и семантика предполагаемых кельтизмов вполне достаточна для их выявления, так что наличие славянских синонимов здесь только усиливает аргументацию принятого решения. Убедительным является лингвогеографическое доказательство славянского происхождения литов. *klētis*. В паре *tukŭ* — *sadlo* (в тексте ошибочно *tyňь*, а также литов. *tankai* вм. *taukai*, лит. *tanki* вм. *tauki*, др.-прус. *tankis* вм. *taukis*), судя по приведенным материалам, подлинным синонимом к *sadlo* является праслав. *solnina*. Фонетические трудности при доказательстве кельтского происхождения *sadlo* (наличие *-a-* и *-d-* вм. *-l-*) автором не преодолены. Доказательно реконструируется история семантического взаимодействия пары *korķŭ* — *tragŭ* «нога, шаг».

Наличие праславянских кельтизмов позволяет говорить о праславяно-кельтских контактах в бассейне верхней Одры после III в. до н. э. (с. 93, карта в работе [5]; см. также [6]). Кельтские провинции свидетельствуют о существовании собственно заимствований, обычно появляющихся в ходе контактов до провинциализации. В этом отношении наблюдения В. В. Мартынова служат стимулом для исследования дальнейших славяно-кельтских отношений. Поскольку (судя по археологическим данным) кельты растворились в среде населения со-

временной южной и центральной Польши [7, с. 101—104], то не исключены локальные кельтизмы в польских говорах и кельтское влияние на их фонетику.

Слой праславянских (скифо-) иранизмов («Иранский ингредиент в праславянском», с. 46—57), в рецензируемой работе представлен семнадцатью проникновениями, образующими пары *bъzъ — divъ*, *bl'ustī — patrīti*, *bur'a — dъzъdъ*, *bartviti — gatati*, *bъrъzъ — xъrīti*, *dъl'a -- radi*, *divъ -- bogъ*, *(do--)pri — kъ*, *kъsa — volъzъ*, *(modrъ--)*, *pъlvъ — sīnъ*, *ognъ — (i)atra*, *onъ — ovъ*, *qъzъ — (j)aš'erъ*, *st'ra — xcala*, *tesla (sekъra) — toporъ*, *vepa — opoka*, *vīrъ — mōzъ* (вторые члены иранизмы). Своеобразие их в том, что буквально все эти иранизмы были открыты (или предполагались) ранее. Следовательно, анализ синонимии выступает здесь не столько как инструмент исследования, сколько как способ уточнения семантического статуса заимствований и, следовательно, вида контактов.

В паре *bъzъ — divъ* иранское влияние отражает только семантика (ср. др.-иран. *daeva*). Отсюда следует, что пара *divъ — bogъ* фиксирует исходное состояние после заимствования *bagъ*. Изучение праславянских иранизмов имеет длительную историю, так что анализ литературы о каждом слове, как показывают соответствующие статьи ЭССЯ (Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. Трубачева О. Н. Вып. 1—10. М., 1974—1983; см. *(j)atra*, *(j)aš'erъ* и др.), мог бы составить отдельную работу. По этой причине В. В. Мартынову в каждом случае необходимо было привести максимально убедительную аргументацию, и он достиг этой цели. Набор праславянских иранизмов, рассмотренный им, «известно неслон» (с. 56); очевидно, это касается как проникновений, так и собственно заимствований. Важно, что в числе их имеются предлоги (*kъ*, *radi*) и местоимение *ovъ*. Эти грамматические проникновения наглядно свидетельствуют об интенсивном характере протославяно-скифоираниских контактов и о близкельтизме (по крайней мере, на части праславянской территории). Приведенных данных явно недостаточно для обоснования утверждения о том, что «праславянский язык следует считать сложившимся после нашествия скифов и уничтожения лужицкой культуры (VI—VIII вв. н. э.)» (с. 16). Однако в этом отношении мы полностью солидарны с В. В. Мартыновым, поскольку, как показывает лингвогеографический анализ, абсолютное большинство фонетических изменений в праславянском языке имеет его в иранском языковом миру (о срах, в частности, см. [8]). После отпадения конечных согласных и развития тенденция к открытому слогу, палатации, мезодонтизации, образования еров и некоторых других явлений сложилась фонетический облик собственно праславянского языка, или, по терминологии В. В. Мартынова, осуществился переход от протославянского к праславянскому.

Протославо-скифоираниские контакты

локализуется В. В. Мартыновым (в согласии с [9; 7, с. 99—100]) на территории современной Польши (см. карту в работе [5]).

Наиболее яркой частью рецензируемой книги является раздел «Италийский ингредиент в праславянском» (с. 57—92). В научно-историческом смысле с В. В. Мартыновым продолжает поиски следов древних славяно-европейских контактов, начиная с О. Н. Трубачева [10, 12] (славяно-италийские параллели без генетической интерпретации рассматриваются в работе [13]). По существу же В. В. Мартынову удалось открыть совершенно новую страницу в истории формирования праславянского языка.

Основу списка из тридцати шести лексических пар составили материалы доклада, прочитанного автором на VIII Международном съезде славистов [4]; в рецензируемой книге список праславянских италийских доп. член лексем (вторые в паре) (*(j)dl'a — igъla*, *(ny —) my*, *(ъ) — cy*, *(smola —) pьkъlъ*, *(st'arъ —) gostъ*). Этот список, как отмечает сам автор, неоднороден. В двадцати четырех случаях предполагаемые заимствования, согласно В. В. Мартынову, имеют точные параллели только в италийском (с. 90). В действительности же этому требованию удовлетворяют только семнадцать (на возможные италийские формы в таких случаях указывают латинские лексемы): *bernъ — dъtъ* (лат. *fētū*), *desъzъ — pravъ* (лат. *prāvus*), *gostъ — gъserъ* (лат. *(h)anser*), *gъnati — pasti* (лат. *pāscō*), *gъrdlica* (собственно, *gъrdl-*) — *golъbъ* (лат. *columbus*); *gъrdlo — glъtъ* (лат. *gl.tus*), *jara — lъto* (лат. *lactus*), *jarъ — agъzъ* (лат. *agnus*), *kъtъ -- qъzъlъ* (лат. *angulus*), *kъlkъ — bedo* (лат. *femur < *bhedrom*), *my — ny* (лат. *nōs*), *ъ — cy* (лат. *vōs*), *prstъ — pъlъzъ* (лат. *pollex < *palkis*), *smola — pьkъlъ* (лат. *picula*), *st'arъ — materъ* (лат. *māt rus*), *tesla — sekъra* (лат. *sek rus*), *xъdъ — gъrn* (лат. *funus*).

Вопреки автору, с меньшей степенью вероятности к парам этого типа относятся *kotolъ — kыbъla* (лат. *caballus, capō*), поскольку несомненно происхождение суффикса *-la-* в славянском и, кроме того, само латинское слово подозревается в заимствовании *lyjъ — molъzъ* (у лат. *mal-leus* неясная этимология); *soxa — vidla* (лат. *fibula* также не имеет надежной этимологии); *mъka — borъzъ* (имеется не только лат. *farina*, но и лат. *barzeinus*); при наличии греч. *μύκη* слав. *snubli* может указывать на протославо-балканские связи, так что нет оснований сопоставлять его только с лат. *n lo, n here*.

Что касается предположения о заимствованном характере слав. *luna*, то обосновать его трудно. Лат. *luna* и слав. *luna* имеют только одно общее значение (редь кроме «луна» славянское слово обозначает «слабый отблеск, эхо» и печл. *лун* нехарактерно для латинского слова). Достоверно о том, что иррек. *laurina* возможно, отражает проходившие в этом регионе италийско-балт. контакты» (с. 77), при наличии надежных иранских параллелей вряд ли доказуемо в принципе.

Неубедительно обосновано существование пары *byrna* - *rydlo* «рыло» и неслогность *rydlo*. Прежде всего трудно доказать семантическое разнотие «морда — губа — рыло» у праслав. *byrna* (тем более, что для *rydnъ* «рыло» при более обычном для него «морда» кажется невозможной). Во-вторых, слав. *ryti* вряд ли есть смысл соотносить прямо с лат. *rere* «рушиться, обрушиваться, валиться»; «разрушать, разметать» и под. при наличии литов. *rauti* «рвать, вырывать», *rausti* «рыть»; если это так, то отпадает необходимость трактовать *rydlo* как результат адаптации итал. *rōdrom (лат. *rostrum* «клюв, морда, рыло»).

Довольно полной и более основательной аргументации требует отношение к числу (менее надежных) итализмов праслав. *selna*, *bykъ*, *laky*, *motyka*, *lěvъ*, *obobdъ*, *bolto*, *malъ*, *baranъ*, *plesti*, *gosto*, *tylo*. По нашему мнению, вряд ли вообще можно доказать италийское происхождение *motyka* (при наличии только позднелатинского слова), *laky* (при наличии кельт. **lak-*), *baranъ* (при отсутствии собственно италийских форм), *bykъ* (лат. *bos* отражает позднелатинский рефлекс италийской формы со свернутым дифтонгом); более вероятным кажется проникновение слов *obobdъ*, *tylo*.

Для выдвижения гипотезы о существовании древнейших протославяно-италийских контактов семнадцати надежных примеров более чем достаточно. Особенно интригует предположение об италийском влиянии на протославянскую систему личных местоимений. Если в дальнейшем оно не будет отвергнуто, то одного его вполне достаточно, чтобы признать гипотезу автора вполне вероятной.

Наличие несомненных италийских проникновений позволяет предполагать и существование просто заимствований из этого источника. Несколько же речь идет об очень древней эпохе (после XII в. до н. э.), то отличить их от диалектных северноевропейских слов практически невозможно. В этой ситуации в полной мере срабатывает идея поиска и анализа структуры семантических пар, т. е. наличие идеографических синонимов оказывается теперь мощным инструментом поиска следов возможных контактов.

Протославяно-италийские контакты локализируются В. В. Мартыновым в междуречье Одры и Вислы, начиная с XII в. до н. э. (с. 94; карта в работе [5]). Это решение основано на данных археологии о распространении на данной территории элементов соеве южных культур [7, с. 74—81]. Очевидно, носители этих культур назывались италийцами условно; более вероятно бы терминалы «венеты» или «иллирийцы», но оба они слишком отягощены грузом разнообразных и не очень обоснованных гипотез, чтобы на них опереться. «Италийцы» В. В. Мартынова могли быть поселителями языков, близких к италийским, судя же по наличию латинских соответствий предполагаемых заимствований, не исключен их собственно италийский характер.

Лингвистические данные, приводимые в книге, позволяют автору сформулировать гипотезу об основных этапах разви-

тия праславянского языка (Заключенье, с. 93—96). Согласно этой гипотезе, после распада протобалтской языковой общности на западную и восточную ветви часть западных балтов (носители «основного ингредента») испытала сильное италийское (т. е. юго-западноевропейское) влияние; в результате конвергентных процессов формируются протославянские диалекты. Протославяне, следовательно, это уже не балты, но и еще не славяне. С XVI до н. э. начинается протославяно-славяно-германское взаимодействие; вобрав германский ингредент, протославяне дают начало праславянам.

Наличие славизмов в претерманском позволяет уточнить северо-западную границу славянской территории в V—III вв. до н. э., а кельтизмов в праславянском — юго-западную. Территория ранней славянской с северо-востока и востока была, очевидно, ограничена от там; это заставляет думать о поисках следов праславяно-балтского взаимодействия; южные и юго-восточные границы ее пока остаются неопределенными.

Изложенная гипотеза представляет собой дальнейшую конкретизацию и обоснование фактами лексиче-ских идей В. Языцка [14], опиравшегося, в свою очередь, на наблюдения Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова [15]. Нам она кажется глубоко обоснованной и хорошо согласующейся с известными фактами. В работе не затрагивается вопрос о том, замыкалась ли территория первоначального распространения славян в очерченных В. В. Мартыновым пределах (т. е. междуречьем Вислы и Одры с прилегающими районами), или же она имела значительное юго-восточное продолжение.

В заключение хотелось бы отметить, что книга В. В. Мартынова — это работа исследователя, стремящегося к однозначным решениям и ищущего методы их достижения. Она полезна по своей сути, по заостренным формулировкам, по способу подачи примеров и по гипотезам, в ней содержащимся.

Чеканов В. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартынов В. В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963.
2. Мартынов В. В. Лингвистические методы обоснования гипотезы о висло-одерской прародине славян. Минск, 1963.
3. Мартынов В. В. Праславянская и балто-славянская суффиксальная деривация имен. Минск, 1973.
4. Мартынов В. В. Балто-славяно-италийские изоглоссы. Лексическая синонимия. Минск, 1978.
5. Мартынов В. В. Становление праславянского языка по данным славяно-индоязычных контактов. Минск, 1982.
6. Трубачев О. И. Языкознание и этногенез славян. Древнейшие славяне по данным этимологии и ономастики. — ВЯ, 1982. № 5, с. 9—15.

7. Кузаренко Ю. В. Археология Польши. М., 1969.
8. Чекман В. Н. К происхождению, фонетической и фонологической интерпретации праславянских еров.— *Lingua Posnaniensis*, 1974, XVIII.
9. Sulimirski T. Kultura lużycka a Scytowie.— *Wiadomości Archeologiczne*, 1939—1948, t. XVI.
10. Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966.
11. Трубачев О. Н. Несколько древних латинско-славянских параллелей.— В кн.: *Этимология*. 1973. М., 1975.
12. Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древнейшие славяне по данным этимологии и ономастики. — ВЯ, 1982, № 4, с. 18—19.
13. Топоров В. Н. Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам.— В кн.: *Этимология*, 1972. М., 1974.
14. Mažiulis V. Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai (Declinacia). Vilnius, 1970.
15. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958.

Черданцева Т. З., Рецкер Я. И., Зорько Г. Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь. Под ред. Рецкера Я. И. — М.: Русский язык, 1982. 1056 с.

Составление словарей, особенно фразеологических, по праву считается трудоемким процессом. За 30 лет, истекших с момента выпуска фразеологического словаря А. В. Кунина [1], вышло всего несколько словарей подобного типа [2—4]. Это обстоятельство объясняется не только трудностью составления, но и равной степенью разработанности фразеологии различных языков. Как правило, создание фразеологического словаря следует за научными исследованиями в области фразеологии. Поэтому значимость фразеологического словаря двойная: он является, с одной стороны, свидетельством высокого уровня исследованности фразеологии, с другой стороны, стимулом для дальнейших теоретических изысканий. Последнее особенно важно в связи с критикой, высказываемой в адрес фразеологов [5].

Рецензируемый словарь можно с полным правом рассматривать как значительное достижение современного языкознания. Это — первый итальянско-русский фразеологический словарь. По своей полноте (около 23 тыс. ФЕ), методике составления, качеству перевода и иллюстрирования этот труд является свидетельством дальнейшего развития двуязычной фразеологии в нашей стране и теории фразеологии итальянского языка, базу которой заложили труды одного из авторов словаря Т. З. Черданцевой.

Словарь предназначен для широкого круга лиц, владеющих итальянским языком или изучающих его. Он является справочником для читателей и переводчиков художественной, общественно-политической и научно-популярной литературы, а также для филологов, занимающихся изучением итальянской фразеологии (с. 6). Такое назначение оправдывает включение в словарь не только устойчивых оборотов, безоговорочно признаваемых фразеологизмами, но и речевых формул.

По параметрам [6] своей структуры словарь аналогичен франко-русскому фразеологическому словарю (ФРФС) [3]. Он использует ту же методику презента-

ции языкового материала: алфавитно-гнездовой порядок статей ФЕ и структурно-алфавитный принцип расположения словосочетаний внутри одной и той же статьи.

Преимущества такой методики, на которые указывал В. Г. Гак во вступительной статье к ФРФС [3, с. 10], подтвердились 20-летней практикой работы с ФРФС. Это дает основания считать алфавитно-гнездовую методику оптимальной для данного типа словарей, и обращение к ней авторов рецензируемого словаря следует приветствовать.

В качестве основного приема семантизации фразеологических единиц используется перевод, в основе которого лежит либо фразеологический эквивалент, либо аналог, либо интерпретация. Особо следует отметить важность висдерения во фразеологическую практику введенного Т. З. Черданцевой понятия идеограммы [7] как одного из важнейших параметров словаря: речь идет о представлении структурно-семантических особенностей ФЕ одного языка средствами другого.

Множество фразеологических единиц снабжено стилистическими пометами, отдельные ФЕ, возникновение которых связано с историческим фактом или обычаям итальянского народа, сопровождаются кратким пояснением. Таким образом, читатель имеет возможность почерпнуть из словаря не только значение ФЕ, но и краткие этимологические и стилистические сведения о тех ФЕ, которые этого требуют (правда, желательно было бы увеличить число помет, касающихся паралингвистической информации).

Важно отметить, что рецензируемый словарь, как и его предшественники, разработан в рамках стройной фразеологической концепции советских ученых, в основе которой лежит понимание фразеологизма как устойчивого переосмысленного словосочетания. По этой причине фразеологические словари, выпущенные в нашей стране, не имеют аналогов за рубежом, где словари под тем же названием по существу представляют собой смешанный лексико-фразеологический